
**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

**ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА
И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ**

© 2014 г. Ю.В. Овсиенко

(Москва)

Рассмотрены авторитарные и демократические формы общественного устройства. Проведен анализ влияния особенностей их институциональных систем на социально-экономическую динамику, социальную (институциональную) и научно-техническую (технологическую) модернизацию.

Ключевые слова: институты, институциональная система, экономическая динамика, демократические и авторитарные общества, социальная справедливость, коррупция, эффективность, модернизация.

1. ВВЕДЕНИЕ

Развитие человеческих сообществ (коллективов) не является равномерным. В течение многих тысячелетий одни коллективы оказываются богатыми, другие бедными, третьи исчезают, и на их место приходят новые. В целом рост численности населения продолжается, хотя и неравномерно – циклически, причем характер циклов таков, что даже самые талантливые ученые далеко не всегда способны разгадать, какие именно циклы и при каких условиях могут повлиять на характер социальной и экономической динамики и какими окажутся результаты: ведь циклическое развитие продолжается не одно столетие, порождая различные формы кризисов – от локальных до мировых.

Человеческие сообщества в принципе способны успешно производить пищу, строить жилища, растить потомство, противостоять врагам и т.п. Для этого общество формирует четкие правила и нормы поведения, регламентирующие характер взаимоотношений в каждом коллективе. Эти правила принято называть *институтами*. Они представляют собой систему ограничений, налагаемых обществом на процессы функционирования участников социальных, экономических, политических и иных процессов, а также определяют совокупность альтернатив, в рамках которых они имеют право трудиться в меру своих возможностей.

Таким образом, коллективы людей и отдельные граждане вправе делать свой выбор наиболее приемлемых для них вариантов поведения, которые направляются на повышение качества жизни каждого гражданина, коллектива и общества в целом.

2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Представители власти далеко не всегда отождествляют собственное будущее с будущим своего коллектива. Прежде всего необходимо отметить, что у людей следование институциональным нормам является не инстинктивным императивом, а сознательным действием. Поэтому у человека в отличие, например, от животного значительно чаще возникает желание нарушить институциональные нормы и правила, надеясь получить от этого пользу для себя. Очевидно, что такой человек наносит ущерб другим членам коллектива. Он может выиграть, если общество или отдельные люди не заметили нарушения, тогда он не понесет наказания.

В человеческих обществах создаются механизмы, призванные контролировать деятельность всех индивидов и организаций, для того чтобы выявлять нарушения и нарушителей. Такой контроль должен касаться прежде всего высшего руководства, поскольку именно его деятельность может привести не только к серьезным позитивным результатам, но и к огромным потерям для общества. Исторически формирование такого механизма является одной из важнейших функций государственной власти, ибо без нее в обществе воцарится хаос. Но и у государственных чиновников, в свою очередь, возникает соблазн использовать этот механизм с пользой для себя (и, следовательно, в ущерб населению). Для этого (при определенных условиях, речь о которых пойдет ниже) создаются *неформальные институты*, позволяющие высшим чиновникам и бизнесменам избегать наказания при нарушении ими действующих институциональных норм. Так возникает *коррупция*. Противодействовать ей очень трудно. Этим недугом в большей или меньшей степени заражено большинство стран современного мира. Причем Россия в этом плане занимает одно из ведущих мест.

Однако 20 лет постсоветского развития России практически не принесли позитивных результатов – модернизации общего процесса функционирования страны, включая научно-техническую и социально-экономическую сферы.

В результате произошло отставание от развитых стран и деградация человеческого капитала, превратившая хозяйство страны в неэффективную систему, отмеченную постоянным снижением уровня жизни рядовых граждан на фоне беспрецедентного роста размеров богатств, скопившихся у социальных групп, приближенных к власти. При этом общая тенденция социального, экономического и политического развития продолжает оставаться негативной.

Процесс дифференциации доходов разделил население на малую группу супербогатых и большинство населения, чьи доходы постоянно снижаются. Наглядный пример: в октябре 2013 г. по предложению В.В. Путина доходы депутатов Государственной думы повысились до 4 млн руб. в год, несмотря на сложную кризисную ситуацию в стране. Это немедленно сказалось на уровне жизни населения. Столь высокие темпы дифференциации доходов практически уничтожают мелкий и средний бизнес. По уровню жизни населения Россия находится на 133 месте – рядом с Гондурасом.

Необходимость формирования механизмов контроля над исполнением норм поведения и наказанием нарушителей требует создания институтов, образующих то, что М. Вебер (Вебер, 1990) назвал “аппаратом принуждения”. Он, как известно, находится в руках самой крупной естественной монополии – государства. Ведь государство, как и любая организация, заинтересовано прежде всего в благосостоянии собственных работников, и в первую очередь – руководителей. Оно значительно мощней других организаций в обществе, поскольку под его началом находится армия и другие силовые структуры, способные не только отражать внешнюю агрессию, но и причинять вред населению собственной страны. Чтобы подобные потенциальные опасности не превращались в реальность, необходима демократическая социальная система общественного устройства, включающая свободу волеизъявления граждан, реальную возможность участия в формировании институтов, избрании руководства, поиске направлений развития общества, а также – в постоянном общественном контроле над всеми сферами государственной деятельности. К сожалению, исторический опыт показывает, что такой контроль обычно тем слабее, чем меньше в стране реально работающих демократических институтов. Следовательно, не только у животных, но и в человеческих обществах существует *неравенство*.

Такие человеческие сообщества, как государства, представляют собой сложнейшие образования, в которых существует развитая, многоаспектная иерархия коллективов, причем внутри каждого существует иерархия работников. Взаимоотношения между коллективами в разных странах существенно различаются – от жесткого подчинения нижних уровней высшим до свободы коллективов и отдельных лиц, ограниченной требованиями действующих институциональных норм.

Эти два крайних случая с известной долей условности можно назвать соответственно авторитарными и демократическими системами общественного устройства. Между ними существует спектр промежуточных форм. История показывает, что примеров движения первых в сторону демократических систем не так уж много, несмотря на то что большинство населения Земли

явно предпочитает демократию и в течение многих веков ведет далеко не всегда успешную борьбу за равные права всех людей на планете.

Пути выхода из этой ситуации следует искать и в истории развития человечества, и в отмеченных выше особенностях поведения людей, и в социальной структуре различных государств. Люди как *социальные животные* с древних времен формировали правила своего поведения, называемые ныне институтами. Совокупность таких правил представляет собой институциональную систему, охватывающую все аспекты взаимоотношений людей в коллективе, включая процессы производства благ, их распределения, а также разнообразные аспекты взаимодействия участников социально-экономических процессов (людей и организаций) в таких сферах, как семейные отношения, образование, здравоохранение, наука, искусство и др. Наличие таких институтов необходимо для обеспечения выживания и устойчивого развития общества в условиях конкуренции с внешним миром, для осуществления непрерывных институциональных преобразований, связанных как с изменениями во внешней среде, так и динамикой социальной структуры общества, принципов и методов ведения хозяйства – всего того, что способствует повышению качества жизни людей.

В таком случае мы имеем экономически эффективную, но социально несправедливую институциональную систему, поскольку снижение уровня жизни отдельных социальных групп – один из важнейших факторов социальной несправедливости.

Институциональные системы в зависимости от роли, которую они играют в экономике, можно подразделить на эффективные и неэффективные. Эффективные институциональные системы – совокупность взаимосвязанных институтов, обеспечивающих позитивную экономическую динамику. Существуют разные типы таких систем в зависимости от того, какие именно элементы экономики развиваются эффективно. Так, если обеспечивается экономический рост, можно утверждать, что создавшая его институциональная система эффективна только макроэкономически, поскольку неизвестно, возрастает ли уровень благосостояния всех или лишь отдельных социальных групп населения. Возможна и другая ситуация, когда происходит экономический спад, но существуют группы населения, доходы которых растут. В этих случаях мы имеем экономически неэффективную и социально несправедливую институциональную систему авторитарного типа, в которой рост богатства одних происходит за счет обнищания других. Лица, принадлежащие к низшей группе доходов, не могут выбрать для себя такие варианты поведения, с помощью которых их благосостояние могло бы повыситься.

Но существуют институциональные системы, в которых экономический рост сопровождается ростом благосостояния всех слоев населения. В этих системах участники социально-экономического процесса производят выбор таких вариантов поведения, которые направлены на максимальное повышение качества жизни каждого, а институциональная система служит стимулятором, поощряющим общественно полезные формы взаимоотношений между гражданами и негативно оценивающим общественно вредные. Следовательно, такая система фиксирует морально-этическую и мотивационную стороны общественной жизни. С ее помощью человек (организация) может предсказывать, к каким результатам приводит то или иное действие и тем самым снижает уровень неопределенности при выборе наиболее приемлемого варианта. Еще одно свойство таких систем – они оптимальны по Парето. Ни один из участников, выбравших в рамках действующих институциональных норм оптимальный вариант поведения, не может далее улучшать его без ухудшения положения других, но для этого ему придется нарушать эти нормы и, следовательно, подпадать под сферу действия аппарата принуждения.

Кроме того, данная система обладает такими свойствами, как полный охват всех форм взаимоотношений между индивидами и их внутренняя непротиворечивость, т.е. отсутствие несовместимых друг с другом институтов. А это означает, что каждый тип взаимодействия участников социально-экономического процесса регламентируется определенным институтом (или группой взаимосвязанных институтов). Таким образом, в каждый момент времени ни один институт не имеет конкурентов, но с течением времени появляются новые институты, заменяющие или модернизирующие старые. Поэтому никакой институт не может быть изъят из институциональной системы без соответствующей замены, поскольку в этом случае она потеряет целостность. Кон-

курентная ситуация возникает лишь на стадии сопоставления и выбора наилучшего варианта нового института.

Различные человеческие сообщества создают разные институты и их системы. На этот процесс накладывает отпечаток история каждого такого общества: образ жизни, религия, представления о добре и зле, справедливости и т.п. Поэтому, хотя институциональные системы остаются стимуляторами социально-экономического развития, в них конкретные направления его развития могут быть различными. Кроме того, институциональные системы весьма сложны и в реальной жизни не всегда достаточно полно регламентируют все формы взаимоотношений участников и даже могут содержать внутренние противоречия. Процесс институциональных изменений – модернизация действующих и создание новых институтов – происходит постоянно, хотя и с разной интенсивностью во времени. Это диктуется необходимостью совершенствования действующей системы. Это требует существенных затрат на создание и законодательное закрепление совокупности норм и правил, организующих взаимоотношения между членами общества, контроля их соблюдения и наказания нарушителей, а также процедур изменения этих правил путем модификации старых и создания новых институтов, которые должны не только учитывать социальные, экономические, политические и другие изменения, произошедшие в обществе, но одновременно органично вписываться в действующую институциональную систему.

Близкой точки зрения придерживается и Г.Б. Клейнер (Клейнер, 2004). Рассуждая о трудном процессе формирования институциональной системы, он пишет, что “построение и изменение системы формальных и неформальных институтов представляют значительную сложность. Речь идет не просто о принятии соответствующих законодательных или иных инструктивно-нормативных актов, но о создании целостной системы взаимно поддерживающих норм. Попытки свести этот процесс к ряду рутинных действий вряд ли приведут к успеху примерно по тем же причинам, по которым трудно осуществлять управление конкурентным рынком. Рынок институтов, точнее говоря, пространство действий агентов в согласии или в противоречии с теми или иными нормами, как правило, оставляет достаточно широкую свободу выбора поведения, управление которым дает порой трудно предсказуемые результаты. Наиболее ярким примером здесь является попытка построения демократического и “рыночного” общества в России. С экономической точки зрения это привело к утере ведущих позиций России на мировой экономической арене, с социальной, насколько можно судить, – это выразилось в существенном снижении прав человека и его участия в решении важных для него вопросов. Причина, на наш взгляд, – в недостатке адекватной теоретической и методологической базы создания целостной и устойчивой институциональной системы. К сожалению, системы норм и правил (аналогичных СНиПам в капитальном строительстве) для институционального строительства не существует”.

Институциональные изменения осуществляются путем отбора и закрепления таких форм поведения, которые по идее должны в наибольшей мере способствовать не только выживанию, но и процветанию как общества в целом, так и всех слоев населения. “Социальная эволюция, – отмечал Т. Веблен, – не что иное, как процесс отбора и приспособления образов мышления под воздействием обстоятельств совместной жизни людей. Приспособление образов мышления – это и есть развитие институтов” (Veblen, 1922).

Эта мысль нуждается в комментарии. Т. Веблен описывает ситуацию, характерную для демократических сообществ, где институциональная система формируется обществом в целом. В этом случае можно считать, что “отбор и приспособление образов мышления” относится ко всему населению. Но если речь идет об авторитарных обществах, то, как известно, в них институты создаются властной группой, поэтому формируемые у них институциональные системы отбирают “образы мышления” именно этой группы, а не всего населения.

Таким образом, роль институциональных систем в обществе огромна. Виднейший теоретик институциональной экономики Д. Норт пишет: “Институты задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. *Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и, таким образом, являются ключом к пониманию исторических перемен*” (Норт, 1997, с. 17). Причем это относится не только к человечеству в целом, но и к отдельным странам и регионам. Разли-

чия в институциональных системах определяют разные направления социально-экономического развития в каждой стране.

В любой социально-экономической системе происходят процессы модернизации. Можно различать две основные формы модернизации: научно-техническую (технологическую) и социально-экономическую (институциональную). Научно-техническая модернизация должна обеспечить выход страны на передовые рубежи технического развития. Целью социально-экономической модернизации является изменение институциональной системы, в первую очередь в таких направлениях, как развитие институтов демократии, процветание всего населения, а не отдельных социальных групп, находящихся у власти, справедливое распределение доходов, уважение неотъемлемых прав и свобод каждой личности, демократический характер формирования органов управления всех уровней. Не менее важны такие мероприятия, как создание реальной, а не фиктивной многопартийной политической системы, способной быстро и безболезненно менять руководство, если прежнее не сумело выполнить свои предвыборные обязательства, обеспечивать независимость отдельных ветвей государственной власти от ее центрального аппарата и т.п. Кроме того, социально-экономическая модернизация создает стимулы для модернизации научно-технической.

Исторический опыт свидетельствует, что те государства, в которых процессы социально-экономической модернизации происходят постоянно, причем в направлении развития и укрепления в обществе принципов социальной справедливости, столь же постоянно осуществляют и научно-техническую модернизацию. Поэтому в них инновации достаточны для того, чтобы обеспечивать передовой уровень технического развития страны и его непрерывное совершенствование.

Иное дело, если технологическую модернизацию пытаются осуществить в рамках социально несправедливой институциональной системы. Деятельность властной верхушки (высших чиновников и олигархов), для обозначения которой более всего подходит советское слово “номенклатура”, направлена прежде всего на сохранение status quo и действующей институциональной системы, а значит, и на то, чтобы права и доходы всех остальных социальных групп и впредь оставались урезанными.

Основные проблемы, рассматриваемые в настоящей статье, касаются ответа на вопросы о том, каковы особенности формирования институциональных систем в демократических и авторитарных обществах, какое влияние они оказывают на социально-экономическую динамику, включая направления развития процессов институциональной и технологической модернизации и, в конечном счете, – социально-экономическое положение населения.

3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Выше отмечалось, что в мире существует множество разнообразных типов общественного устройства и, соответственно, определяющих их институциональных систем, которые в первом приближении можно разделить на две большие группы: демократические и авторитарные.

Особенности демократических систем заключаются в том, что общественная оценка деятельности и, соответственно, доходы каждого индивида в них зависят, во-первых, от его таланта, трудолюбия, квалификации, таких личных качеств, как честность, порядочность, доброта и т.п., а во-вторых – от его законопослушания, т.е. от того, как он относится к действующим институциональным нормам.

К демократическим относятся прежде всего развитые страны Западной Европы, Америки, Азии и др. Политическая система в них отличается наличием нескольких равноправных политических партий, каждая из которых имеет собственную программу, содержащую анализ направлений ее деятельности на предстоящий период в политической, социальной, экономической, институциональной и других областях, с целью не только повышения качества жизни населения, но и расширения прав и свобод личности. Каждый гражданин на свободных выборах голосует за ту партию, программа которой представляется ему наиболее приемлемой. Кроме того, население или парламент избирают президента или премьер-министра (в разных странах механизм таких выборов может быть различным). По результатам голосования формируется состав парламента и

других выборных органов. Выборы происходят под общественным контролем. В период между выборами оппозиционная партия создает теневое правительство, контролирующее процесс социально-экономического развития. Кроме того, оно следит, как выполняются предвыборные обещания партий и политических лидеров. Важную роль в защите работников играют профсоюзы, не оставляя бизнесу возможностей для снижения их реальных доходов и в необходимых случаях требуя их повышения. Огромное значение имеют митинги и манифестации населения по самым разнообразным проблемам социально-экономической жизни. Все это – главные составляющие действующей в развитых странах мощной системы обратной связи, обеспечивающей постоянный контроль общества за действиями властей как на государственном, так и муниципальном и региональном уровнях.

Попытаемся теперь рассмотреть вопрос о том, каковы условия, в которых происходит формирование и развитие демократической институциональной системы, формирующей *естественные границы*, в которых осуществляется институциональная динамика. Об этих границах можно говорить как о базовых, основополагающих институтах. Поскольку в демократических государствах институциональные системы формируются обществом, очевидно, что основу таких институтов должны составлять *общечеловеческие ценности*. Они известны с глубокой древности и отражены во всех мировых религиях. В них на основе обобщения опыта развития человечества и выработки представлений о принципах справедливости взаимоотношений между людьми выработаны общие морально-этические нормы поведения, которые можно применить к различным типичным ситуациям. В них содержатся призывы не убивать, не воровать, возлюбить ближнего как самого себя и др. Именно на их основе, на наш взгляд, и формируются базовые институты, составляющие фундамент институциональной системы.

Однако непреходящая ценность для человечества этих норм одновременно предопределила и их недостаточность для функционирования человеческих сообществ. В них пригодные для всех времен нормы человеческого поведения сформулированы в весьма общем виде, вследствие чего могут допускаться различные их толкования применительно к разным конкретным ситуациям. Кроме того, разработанная в них система санкций, применяемых к нарушителям, относится чаще всего к загробной, а не к земной жизни, и потому недостаточно эффективна. Современные условия диктуют необходимость их формального закрепления в виде правил, кодексов, поддерживающих одни и запрещающих другие формы взаимоотношений участников социально-экономического процесса. Поскольку на протяжении человеческой истории происходят постоянные изменения и в социальной организации общества, и в сфере экономики, возникает необходимость разработки и непрерывной корректировки конкретных правил таких взаимоотношений и наказания нарушителей.

В принципе, все институты, формирующиеся в процессе социально-экономического развития демократического общества, должны не противоречить базовым ценностям и нормам, т.е. крепко держаться на своем естественном историческом фундаменте. Поэтому базовые институты можно назвать институтами институтов. Практически в составе всех институциональных систем существуют институты, запрещающие социально несправедливые действия, т.е. такие, с помощью которых можно было бы ухудшать положение отдельной личности, организации, социальной группы или всего общества с целью обогащения лиц, формирующих подобные институты. Следовательно, если люди и организации в таких системах следуют предписаниям действующих институтов, то, как правило, не происходит ущемления прав и свобод личности, не могут осуществляться действия, с помощью которых кому-то дается право обеспечивать собственное благополучие, ухудшая его у других, проводить дискриминацию различных групп населения по расовым, национальным и иным признакам. В них также отсутствуют институты, подразделяющие граждан на “своих” и “чужих” в зависимости от их мировоззрения или близости к власти и позволяющие безнаказанно очернять тех, кому не нравится действующая политическая система, прибирать к рукам средства массовой информации, суды, прокуратуру, силовые структуры.

Для того чтобы обеспечить единство общества, тесную взаимосвязь между людьми с разными способностями, полом, возрастом, здоровьем, материальным положением, необходимо, чтобы доходы людей соответствовали их трудовому вкладу в общественное благосостояние. Кроме того, следует осуществлять перераспределение ресурсов для поддержания всех тех, кто находится на низших ступенях социальной иерархии. Понятие, отражающее подобную ситуацию, обо-

значается термином “социальная справедливость”. Во всех социально справедливых институциональных системах содержатся институты, которые запрещают действия, причиняющие вред как обществу в целом, так и отдельным людям и организациям. Они же определяют степень вины нарушителей запретов и меру наказания.

Существуют институты, регламентирующие взаимоотношения между богатыми и бедными, здоровыми и больными, способными или неспособными к эффективной трудовой деятельности. Богатые в социально справедливых обществах – те, кто своим талантом и трудолюбием вносят крупный вклад в их развитие и процветание. Соответственно этому богатые получают высокие доходы и обладают солидной собственностью. Но ведь талант – нечто, данное далеко не каждому. Человек, наделенный талантом, способен в единицу времени приносить значительно большую пользу, чем тот, кто им не обладает. Следовательно, как показано в (Каценелинбойген и др., 1972), талант – такой же источник дополнительного дохода, как и природная рента. Поэтому в большинстве стран существует прогрессивная шкала налогообложения доходов, в соответствии с которой самые бедные вообще освобождаются от налогов, а с некоторой величины доходов начинает взиматься налог, ставка которого повышается по мере их роста. Аналогичный принцип применяется и для формирования шкалы налога на наследство, только его ставка повышается быстрее, поскольку соответствующие блага не являются результатом трудовой деятельности наследника. Собранные средства направляются на нужды общества, включая институты, результаты действия которых очень важны для развития общества, но их трудно или невозможно оценить в денежной форме. К ним относятся институты, формирующие будущий облик страны – воспитание, образование, здравоохранение, фундаментальная наука, а также средства, направленные на помощь детям, старикам и людям, неспособным к трудовой деятельности. Их финансирование в значительной мере осуществляется обществом.

Все подобные институты, так или иначе, существуют почти в любом человеческом обществе. Но не всякую институциональную систему можно безоговорочно назвать социально справедливой. Понятие “социальная справедливость” – нечеткое и размытое в отличие, например, от категории “экономическая эффективность”, где имеется строгая теория и методы, позволяющие (хотя и не во всех случаях) сопоставлять различные варианты экономических решений, оценивать и отбирать наилучшие из них и отсеивать те, которые не приносят пользу обществу. Что касается социальной справедливости, то теорий в данной области не создано, к тому же разработка четкой и непротиворечивой концепции здесь вряд ли вообще возможна. Ниже будет показано, что в связи с этой нечеткостью возникает соблазн назвать все институциональные системы, содержащие подобные институты, социально справедливыми. Тогда в состав стран с социально справедливыми системами можно включить, например, СССР, в конституции которого отмеченные элементы формально содержались. Но это не так. Институт можно считать социально справедливым только тогда, когда большинство населения добровольно, без нажима извне, не стремится нарушать заложенных в нем норм.

Таким образом, социально справедливой можно назвать институциональную систему, которая, во-первых, основана на базовых человеческих ценностях и, во-вторых, формируется и контролируется демократическим путем, т.е. не отдельными группами людей, а всем обществом. Очевидно, что в этом случае она движется в направлении установления равных прав для всех своих членов.

Формирование социально справедливой институциональной системы – сложнейшая проблема, которую в полной мере, по-видимому, решить невозможно, однако существуют страны, которые успешно движутся в этом направлении в течение многих столетий. Общие условия, обеспечивающие это движение, хорошо известны: демократический характер формирования институтов и общественный контроль над тем, в какой мере взаимоотношения участников социально-экономического процесса соответствуют требованиям, содержащимся в институтах. В этих условиях социально справедливые институциональные системы способны обеспечивать экономический рост и повышение качества жизни всех слоев населения, т.е. они одновременно являются экономически эффективными как для общества в целом, так и для каждого участника.

История показывает, что по пути создания и развития подобных институциональных систем идут далеко не все страны, но именно эти страны в наибольшей степени продвинулись в направлении снижения социального неравенства и установления равных прав для всех членов общества.

Таковы основные черты первого, наиболее привлекательного для любого человеческого общества типа институциональной системы, обеспечивающей экономический рост, расширение прав и свобод личности, улучшение качества жизни всех слоев населения. Поэтому становится понятным, что социально справедливые институциональные системы вряд ли могут быть экономически неэффективными не только для общества в целом, но и для всех социальных групп и для каждого человека, поскольку формирующее их общество этого не допустит. Отметим также, что социально справедливые институциональные системы можно охарактеризовать как системы, движущиеся к *институциональному равновесию*. По определению Д. Норта (Норт, 1977, с. 111–112): “Это такая ситуация, в которой при данном соотношении сил игроков и данном наборе контрактных отношений, образующих экономический обмен, ни один из игроков не считает для себя выгодным тратить ресурсы на реструктуризацию соглашений. Заметьте, что такая ситуация вовсе не означает, что все игроки довольны существующими правилами и контрактами. Она означает лишь то, что при данных относительных издержках и выигрышах от изменения игры, которую ведут участники контрактных отношений, им невыгодно менять игру. Существующие институциональные ограничения определили условия равновесия и сформировали его”.

Очевидно, что развитые демократические страны близки к состоянию институционального равновесия именно потому, что они основаны на базовых общечеловеческих ценностях и атрибутах демократии.

Изложенное выше позволяет сделать следующий вывод. Рассматриваемые институциональные системы в силу демократического характера их формирования окажутся приемлемыми для большинства населения. Однако следует отметить, что идеальной социально справедливой институциональной системы не существует. Дело в том, что разные люди существенно отличаются друг от друга по своему мировоззрению, целям, отношению к общечеловеческим ценностям, другим людям, власти и т.п. Уже поэтому ни одна институциональная система не может быть безоговорочно принята всем населением. Нельзя не заметить также, что *грехи*, отмеченные, например, в заповедях Моисея, по-видимому, никогда не будут искоренены. Это – препятствие, которое создает природа самого человека. Но есть и другие факторы, действующие в том же направлении, а именно те, которых порождают социальные структуры общества, – они неизбежно влекут за собой неравенство людей. В частности, существует неразрешимое противоречие, заключающееся в том, что при избрании руководителей все люди равны, а их влияние на социально-экономическую динамику прямо пропорционально их статусу и размерам кошельков.

Тем не менее социально справедливые институциональные системы наиболее приемлемы еще и потому, что они одновременно экономически эффективны, а общество готово к институциональной и технологической модернизации.

4. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В АВТОРИТАРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

История человечества демонстрирует принципиально различные типы институциональных систем в разных государствах. Более того, даже явно неэффективные социально-экономические системы оказываются достаточно устойчивыми. Некоторые из них существуют многие столетия без сколько-нибудь заметных институциональных изменений, причем у них сохраняется одна существенная особенность: разделение населения на две неравные группы. Члены первой группы выполняют властные функции, включая разработку новых институтов и прекращение действия старых, но при этом их никак не контролирует общество. Это – сравнительно небольшая (в нее обычно входят высшие чиновники, крупнейшие бизнесмены и криминал) группа, но она обладает огромной властью и богатством. Все остальное население составляет вторую группу, члены которой лишены элементарных прав и свобод. Их доходы во много раз ниже, чем у входящих в первую группу, однако чем ближе ее участник к властной группе, тем его доход выше. Существует достаточно много разнообразных социально-экономических систем такого рода. Например, и в древности – Египет, Китай, Греция, Рим; в настоящее время – некоторые страны Латинской Америки, Азии, Африки и т.п. Эти системы могут отличаться различной ролью тех или иных

социальных групп в формировании институциональной среды, уровнем их доходов. Поскольку формирование и изменение общества происходит под контролем властной группы, совершенно естественно, что ее члены стремятся получить максимальную выгоду прежде всего для себя, даже если всем остальным от этого становится хуже. Следовательно, эффективность экономики в целом падает. Такие общества называют номенклатурными, олигархическими, патерналистскими, тоталитарными, социалистическими, фашистскими и т.п. Поскольку для целей данной работы различия между ними несущественны, для их обозначения используется термин “авторитарные”. В таких обществах во властную группу, как правило, люди пробиваются не с помощью своего таланта и трудолюбия, а назначаются сверху – старшими “товарищами” – в результате их особого умения угождать начальству.

В авторитарных обществах в отличие от демократических главной компонентой общественной оценки индивида выступает социальное положение человека, его место на иерархической лестнице, степень близости к представителям власти. Это вызвано прежде всего характером формирования институциональной системы. Если она формируется с помощью механизма предварительной общественной оценки институциональных норм, мы имеем демократическую форму государственного устройства. Если же она разрабатывается под эгидой властной группы, то это – авторитарная форма. Ее отличает тот факт, что развитие институтов и, соответственно, законодательной базы общества направлено на повышение благосостояния этой группы в ущерб остальному населению страны.

Таким образом, стимулирующая функция институциональной системы сохраняется, однако ее направление оказывается иным. В демократических обществах целью развития является повышение качества жизни всего населения, в авторитарных цель принципиально меняется: благосостояние большинства населения перестает быть целью социально-экономического развития, отчего резко снижаются его доходы. В монографии (Каценелинбойген и др., 1972) показано, что эти доходы включают две компоненты: трудовую и целевую¹. Исключение значительной части населения из цели развития общества практически обращает в нуль целевую компоненту их доходов, включающую прежде всего часть создаваемой обществом прибыли и природной ренты. Кроме того, история показывает, что заработная плата рядовых работников в авторитарных обществах, как правило, ниже цены их труда. Другими словами, доходы этих людей (с точки зрения бизнеса) мало чем отличаются от таких затрат, как, например, содержание рабочего скота. Все это дает возможность приближенной к власти группе чиновников и бизнесменов быстрыми темпами повышать свое благосостояние, причем чаще всего преступными путями, поскольку эти лица олицетворяют власть и на их действия правоохранительные органы смотрят сквозь пальцы.

“Институты, – отмечал Д. Норт, – не обязательно и даже далеко не всегда создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил” (Норт, 1997, с. 33). Следовательно, те государства, в которых власть не формируется и не контролируется обществом, как правило, не создали ни высокого жизненного уровня для большинства своих сограждан, ни реальных политических и экономических свобод, ни условий для стабильного экономического роста. В них руководители “поощряют скорее деятельность по перераспределению, чем по производству материальных благ, формируют скорее монополии, чем конкурентную среду, и скорее ограничивают, чем расширяют выбор” (там же, с. 25).

Институциональные изменения в социальной и экономической сферах – неотъемлемая составная часть всей истории человечества, и не следует считать, что они присущи исключительно настоящему времени – моменту перехода ряда стран от “социализма” к “капитализму”. Более того, истории известны случаи, когда институциональные изменения, совершавшиеся в странах, игравших примерно одинаковую роль в мире, привели к различным результатам. Началом исторического процесса разделения государств на две группы можно, по-видимому, считать XVI–

¹ Например, в СССР существовал такой элемент доходов населения, как общественные фонды потребления, в какой-то степени отражавшие целевую компоненту доходов. Это, кстати, подтверждается тем, что средние доходы (и заработная плата) рядовых работников в СССР были значительно выше, чем в нынешней России.

XVII вв., когда между Англией и Испанией начались военные конфликты за право быть единственным “властителем мира”. Исходные условия были по сути равными, однако в результате Испания перестала быть конкурентом Англии, превратившись во второстепенную страну. Причины этого хорошо известны: социальное устройство общества. Англии удалось сформировать демократическую систему, а Испания оставалась авторитарным государством и создавала институциональную среду, направленную не на эффективное экономическое развитие, а на быстрое обогащение властителей.

Примерно по такому же пути шли институциональные изменения и на американском континенте в XVIII–XIX вв. В результате Гражданской войны между Севером и Югом победил Север. И США стали державой № 1 в мире, а страны Латинской Америки остались нищими, здесь процветала коррупция, а экономика оставалась отсталой.

Институциональные системы в таких обществах отличаются от рассмотренных выше систем тем, что в них утеряно свойство социальной справедливости, поскольку разделение общества на две неравные группы приводит к искажению социальных и экономических целей его развития. Доходы низшей группы населения остаются на уровне, достаточном для того, чтобы она не утратила способности “кормить” начальство.

Процесс институциональной модернизации в них происходит преимущественно в направлении повышения устойчивости созданной институциональной системы против возможных действий безвластной группы населения. Его основной результат – возрастание социальной роли и жизненного уровня членов властной группы.

Поэтому, после того как созданы институциональные системы в странах рассматриваемого типа, изменения в них в течение более или менее продолжительного периода оказываются несущественными. Но время от времени происходят крупные дискретные (революционные) сдвиги, затрагивающие практически все стороны жизнедеятельности общества. Именно так в них обычно происходит смена власти. Ее чаще всего захватывают радикально настроенные группы лиц (в число которых часто входят те, кто ранее находился во “втором эшелоне” властной группы). Их цели – те же: захватить власть и сделать так, чтобы институциональная система работала на них, т.е. приносила этим людям больше благ, разумеется, по-прежнему за счет остального населения. История показывает, что общие результаты таких переворотов, как, впрочем, и любых войн, как правило, негативны.

В авторитарных обществах существует спектр систем – от достаточно эффективных до неэффективных. Назовем их крайние проявления системами второго и третьего типа.

Особенность систем второго типа состоит в том, что они макроэкономически более или менее эффективны, т.е. в стране, обладающей такой системой, наблюдается экономический рост, в ней допускается частная собственность, реально работают антимонопольные и антикоррупционные институты, поскольку именно в этих условиях существует конкуренция, обеспечивающая достаточно эффективное ведение хозяйства. Однако качество жизни обычно растет только у членов властной группы. Примером, опровергающим вышесказанное, может служить Китай, где эффективную систему удалось создать в социально несправедливом обществе, по-видимому, благодаря гению Дэн Сяо Пина, сумевшего доказать властям, что главное условие высоких темпов экономического роста – повышение доходов большинства населения, формирующее у него мотивацию к эффективной трудовой деятельности.

Третий тип – системы, которые не являются ни социально справедливыми, ни экономически эффективными. Неэффективность означает, что объемы производства в принципе могут быть увеличены за счет имеющихся избытков разнообразных, в том числе трудовых, ресурсов (Полтерович, 2003), а также за счет перехода на современные технологии, снятия барьеров на пути развития бизнеса, охраны здоровья, образования, науки, культуры и т.п. Важная особенность таких систем – ничем не ограниченная коррупция, снижающая темпы роста экономики и уровень жизни большинства населения. Она обескровливает страну, высасывая из нее все больше и больше денежных средств и, соответственно, самых разнообразных ресурсов, используемых для обогащения власть имущих. Пример такой системы хорошо известен. Живучесть же коррупции объясняется тем, что ее участниками являются прежде всего государственные чиновники, которые имеют большое влияние на институциональную систему и не допускают ее модернизации в

направлении демократии и социальной справедливости, а также развития новой техники и технологий.

Форм обогащения чиновников в авторитарных обществах достаточно много. Остановимся на некоторых. Самой “невинной” формой является взятка, получаемая за то, чтобы чиновник без проволочки исполнил свою прямую обязанность – удовлетворение законных запросов граждан. Такие взятки дают чаще всего люди малообеспеченные. Поэтому размеры такой взятки обычно невелики, зато их число может быть достаточно большим, как и нагрузка на каждого взяткодателя.

В другой форме взятка дается за то, чтобы чиновник выполнил требования клиента, противоречащие действующему законодательству. Например, дал разрешение строить дома на детских площадках, скрывать истинную величину доходов взяткодателя и, соответственно, уменьшать базу налогообложения, присваивать природную и монопольную ренту, сокращать заработную плату работников и т.п. В этих случаях размеры каждой взятки могут быть огромными, достигая многих миллионов долларов.

Наиболее крупный источник преступных доходов российской номенклатуры – государственный бюджет. Ни для кого не секрет, что смета затрат на большинство работ, финансируемых государством, многократно превышает величину реальных издержек. Основу такого превышения составляют принципиально новые элементы, не существующие в калькуляциях развитых стран. Это так называемые *откаты*. Они не имеют никакого отношения к реальным издержкам, зато составляют весомую часть коррупционных доходов чиновников и бизнесменов, значительно превышающую размеры их легитимных доходов. Одновременно завышение сметы затрат по отношению к реальным издержкам приводит к уменьшению базы налогообложения и, соответственно, к росту доходов фирм.

Эти манипуляции в принципе возможны в двух случаях: либо при отсутствии контроля деятельности фирм, либо при создании неформальных институтов, обеспечивающих дележ этих коррупционных доходов между бизнесом и чиновниками. Скорее всего оба эти варианта сосуществуют и исправно пополняют карманы российской номенклатуры.

Большая ошибка – думать, что высшая власть не догадывается об этом. Ведь речь идет об астрономических суммах – сотнях миллиардов долларов ежегодно, и не заметить столь гигантских денежных потоков, вытекающих на сторону, невозможно. Следовательно, напрашивается естественный вывод: деятельность преступного альянса чиновников и олигархов, сложившаяся сразу же после поспешно проведенной приватизации, контролировала и контролирует высшая власть со всеми вытекающими последствиями, не допускающими справедливой оценки этих действий и наказания преступников.

Следует отметить и некоторые другие особенности российского бизнеса. Многие крупнейшие фирмы по существу российскими не являются. Они оформлены за пределами страны – в оффшорах и там же платят налоги, которые значительно ниже российских. Значит, общество несет от этой деятельности существенные потери, зато олигархи и чиновники выигрывают. А ведь большинство этих фирм занимаются такими формами бизнеса, как добыча минеральных ресурсов, вырубка лесов, вылов рыбы и других морепродуктов и т.п. с целью их экспорта, что сокращает объем национального богатства, нанося этим ущерб будущим поколениям россиян. Эти виды деятельности лишают нашу страну значительной части природной ренты. А поскольку многое из их экспорта возвращается обратно и реализуется по существенно более высоким ценам, благосостояние российского населения существенно снижается.

Отметим еще один весьма существенный элемент экономической деятельности российского бизнеса – вывоз капиталов. В принципе перетоки капиталов из страны в страну – нормальное явление, но только в тех случаях, когда такие процессы создают экономический рост и повышение благосостояния населения. В России они направлены на прямое обогащение олигархических структур. Вывоз капиталов формируется главным образом из средств, получаемых от экспорта природных ресурсов, а потому всегда существенно превышает ввоз. Следовательно, получается, что страна экспортирует свои природные ресурсы по существу бесплатно. Для иллюстрации приведем конкретный пример. В период благоприятной рыночной конъюнктуры Россия собрала огромные средства от экспорта ресурсов и создала Стабилизационный фонд. Вопросы наивных

людей, почему они не направляются на модернизацию отсталой экономики и повышение благосостояния населения, оставались без ответа. Постепенно в среде специалистов начало складываться мнение, что этот фонд создается совсем для другой цели. Поскольку главной задачей, которую поставила перед собой российская номенклатура, является не развитие и процветание общества, а ее собственное обогащение, Стабилизационный фонд создавался для того, чтобы в подходящий момент его “распилили”, поделили между собой и вывезли за границу высшие чиновники и бизнесмены. И этот момент настал. Им оказался кризис. Олигархи обратились за помощью и получили ее. Например, газета “Аргументы и факты”, в частности, сообщает, что “... российские банки, входящие в число топ-100, только в IV квартале 2008 г. привлекли от ЦБ РФ 3,1 трлн руб. Из них на погашение долгов (по кредитам авто) ушло порядка 600 млрд руб., т.е. порядка 20%”². Другими словами, банкам досталось более 80 млрд долл. Но это только один пример.

Государственная помощь бизнесу продолжалась и в 2009 г. и, возможно, продолжается до сих пор. Как отмечалось в журнале “Форбс”, число долларовых миллиардеров и совокупные размеры их капиталов за один только 2009 г. выросли примерно в два раза. К сожалению, у нас засекречены данные о капитале высших чиновников. Думается, что среди них также найдется достаточное число долларовых миллиардеров. Однако коррупция в России – не единичный факт, а постоянное явление. Российские коррупционеры видят свое будущее не в России, откуда они черпают свои супердоходы, а на благополучном Западе, где они имеют солидную недвижимость, банковские счета, где обучаются их дети, проживают их близкие и т.п. Уезжать из страны, которая позволяет им неслыханно обогащаться, они пока не хотят, но всегда готовы к этому. А те мелкие коррупционеры, которых вроде бы начала отлавливать отечественная Фемида, никуда уезжать не собираются, поскольку не имеют таких доходов.

И не следует думать, что у нас слабое государство, которое не может совладать с безобразиями, творящимися в стране. Просто члены этой организации являются наиболее активными участниками мероприятий по раздаче и получению государственных средств.

Таковы важнейшие направления коррупционной деятельности, позволяющие чиновникам и бизнесменам значительную часть доходов общества превращать в собственные. При этом государственные органы никак не борются с этими явлениями просто потому, что эти доходы достаются их сотрудникам.

Говоря об институциональных системах второго и третьего типа, следует отметить, что в них прежде всего искажены базовые институты. В первую очередь это касается неотъемлемых прав и свобод личности. Вроде бы формально они закреплены в Конституции, но на самом деле такие права человека, как равенство всех перед законом, свобода высказывать свою точку зрения, исчезают, поскольку противоречат *официальной доктрине*. Многие факты из жизни общества замалчиваются или искажаются. Вместо этого идет назойливая и лживая пропаганда о том, что население живет все лучше и лучше. Исчезают независимые средства массовой информации, в которых вскрываются социальные язвы, экономические провалы и предлагаются пути их преодоления. Отсутствует равный доступ к информации, вследствие чего значительная часть населения в течение длительного времени продолжает верить в обман, публикуемый официальными СМИ. Пропагандистская система превращает руководителя страны чуть ли не в идола для значительной части электората, которая часто голосует за него даже без особого давления. Если же его деятельность не нравится и избрание маловероятно, то результаты выборов грубо подтасовывают (вторые выборы Ельцина). А номенклатура превращается в безликого руководителя общества, нацеливая его на решение собственных задач.

Действующие экономические институты извращают систему ценностных параметров, что приводит к возникновению ложных стимулов, изменяющих ориентиры экономического развития. Еще одна особенность рассматриваемых систем заключается в том, что в них могут существовать принципиально неэффективные институты. В качестве примера можно указать институты, согласно которым формируются доходы различных социальных групп. В авторитарных обществах представители этих групп обычно имеют доходы, существенно превышающие эф-

² Заметим, что такую помощь получает только крупный бизнес, а затем она распределяется между олигархами и высшими чиновниками в соответствии с их представлениями о добре и справедливости.

фективность их трудовой деятельности. Яркий пример: доходы руководителей явно неэффективного российского государства многократно превышают те, которые получало руководство СССР. Нетрудовые доходы имеют: высшие чиновники, ответственные за создание институциональной системы, делающей страну неспособной к сколько-нибудь серьезному экономическому росту (так, Россия до сих пор не смогла достичь дореформенного уровня); монополисты, число которых растет; собственники предприятий, добывающих природные ресурсы; банкиры, устанавливающие ставки процента на сбережения ниже уровня инфляции и тем самым лишаящие российскую валюту функции средства сбережения, а вкладчиков – части вложенных средств; торговцы, завышающие цены на товары с помощью создаваемой ими длинной цепочки посредников, и т.п. Кроме того, в институциональной системе закреплён и такой элемент институционального неравенства, который позволяет за одно и то же действие назначать разные наказания людям разных социальных групп, а те, кто руководит формированием институциональной системы, практически вообще ненаказуемы.

Пропаганда в авторитарных обществах часто осуществляет подмену понятий, позволяющую очернять инакомыслящих. И это ей легко удастся. Под обществом пропагандисты имеют в виду *правлящий класс*, под общественным благосостоянием – *его* благосостояние.

Сколько-нибудь существенная социально-экономическая модернизация в авторитарных обществах вряд ли возможна. Чиновники допускают только те институциональные изменения, которые полезны для правящего класса, и не меняют принципиальных основ действующей авторитарной институциональной системы.

Таким образом, социально-экономическая модернизация, направленная на формирование демократических институтов, в таких обществах вряд ли возможна. Да и технологическая модернизация тоже. Чрезмерная централизация власти угнетает науку, образование, культуру, искусство и т.п. Это подтверждает пример России. Более чем за 20 лет постсоветского развития размеры доходов и капиталов номенклатуры начали превосходить доходы бизнесменов развитых стран. Зато доходы населения существенно сократились.

Существенно ухудшилась ситуация в научно-технической сфере. Производство таких видов продукции, как бытовая техника, постоянно сокращается, ее качество непрерывно падает, а цены растут благодаря импорту.

Следует также отметить бурный рост производства новейших видов военной техники. Его темпы очень высоки и многократно превышают рост невоенной продукции. Одновременно значительно повысились затраты на содержание военнослужащих, что привело к очередному этапу сокращения доходов рядовых работников. То же касается и расходов на зимнюю Олимпиаду, которые добавили к снижению жизненного уровня населения.

Таким образом, сложившаяся ситуация требует скорейшего перехода России к демократическому развитию и повышению жизненного уровня населения.

5. УСЛОВИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО НЕСПРАВЕДЛИВЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Итак, условия формирования социально несправедливых институциональных систем очевидны: они являются прямым следствием государственной монополии на институты. Поскольку эти институты формируются исключительно властью, общечеловеческие ценности в них подменяются ценностями правящей группировки. От того, в какой степени власть неподконтрольна гражданам, зависит их преимущественный тип институциональной системы.

Возникают естественные вопросы, может ли модернизация подобных систем привести к более справедливому распределению доходов; что необходимо сделать, чтобы перейти к социально справедливым институциональным системам; каковы причины неэффективности экономики.

Для ответа на них следует учитывать стимулирующую функцию социально справедливой институциональной системы, поскольку в ней институты формируются таким образом, чтобы

наиболее привлекательными для любого участника – личности или организации – были такие формы поведения, которые в наибольшей степени направлены на процветание всего общества. Это дает толчок экономическому росту, повышению уровня благосостояния, формированию социально справедливой шкалы дифференциации доходов различных групп населения. Однако в России в настоящее время социально-экономические тенденции иные – стремительная концентрация богатств в руках узкой группы чиновников и предпринимателей. Такой процесс не присущ ни “социально ориентированной рыночной экономике” – как объявленной цели реформирования, ни хозяйственному механизму “реального социализма” – как отправной точки перехода.

Наиболее очевидные причины, сделавшие возможным подобные тенденции, заключаются, на наш взгляд, во-первых, в обвальном усилении коренных пороков дореформенной системы хозяйствования и, во-вторых, в появлении новых факторов, еще более усугубляющих ситуацию.

К первой группе факторов можно отнести прежде всего закрытость от общественного контроля деятельности федеральной, региональных и муниципальных органов государственной власти, крупнейших производственных, торговых, финансовых организаций. Сейчас уже никто не может составить себе сколько-нибудь *реалистичной картины* социально-экономического положения страны. Кроме того, по-прежнему отсутствует ответственность высших чиновников и предпринимателей за результаты их деятельности. Вследствие этого они де-факто неподвластны действующим законам.

К новым факторам, проявившимся в ходе институциональных изменений, относятся такие, как хозяйственная разруха, а затем – и односторонняя сырьевая структура экономики вместо ожидавшегося оживления и подъема в духе “экономического чуда”. Это стало следствием крайне упрощенных, преувеличенных представлений о действительных возможностях рыночных механизмов в современной экономике, игнорирования необходимых мер, позволяющих извлечь пользу для общества из этих механизмов. Последние самодостаточны для эффективности и хозяйственного роста лишь в условиях, когда реально работает антимонопольное законодательство, деятельность всех органов государственного управления и бизнеса открыта для общественного контроля, и одновременно закрыты все лазейки для получения нетрудовых доходов.

Создать такие условия может лишь государственная власть, обязанная по определению (и по конституциям цивилизованных стран и России) защищать благополучие и права всего населения, каждого гражданина, а не каких-либо элитных социальных групп. Но для этого должны существовать реально работающие *демократические институты*. Нынешняя несостоятельность государства делает целью экономики обогащение доминирующих участников на ущербе, наносимом меньшим партнерам, экономике и обществу (прежде всего большинству населения), на фоне разорения именно передовых, высокопродуктивных хозяйств (т.е. наиболее опасных конкурентов для магнатов) вместо отсева неэффективных способов и звеньев хозяйствования.

Шоковая либерализация до сих пор не закончена, поскольку доходы большинства населения все еще ниже дореформенных. Но она освободила в ряде постсоциалистических стран не создательные потенции конкурентного рынка, но своеволие крупных хозяйственных организаций, доминирование в обществе узкой группы высших чиновников и бизнесменов-магнатов (включая главарей преступного мира). Вместо их подчинения императивам общественного блага произошло снятие всяческих ограничений в способах накопления богатства для упомянутой узкой группы лиц, включая присвоение природной и монопольной ренты; средств налогоплательщиков (государственного и местных бюджетов); сбережений населения и его текущих доходов; завышения цен, возведение таможенных барьеров для устранения на внутреннем неконкурентном рынке конкуренции с внешним миром и т.п. Все это истощает экономику, делает ее менее эффективной даже по сравнению с дореформенной.

Сложилась ситуация, когда доходы верхов не зависят от экономической ситуации. Поэтому они как *временщики* власти не заинтересованы в экономическом росте, сокращении издержек, повышении эффективности производственной, финансовой и торговой деятельности. При этом их доходы часто имеют своим источником заведомый ущерб народному хозяйству и населению, знаменуют процесс разрушения экономического потенциала общества, компрадорское ограбление страны. Капиталы большинства отечественных олигархов находятся за ее рубежами. При

этом существенно снижается экономический потенциал страны вследствие растущих темпов вывоза капиталов.

Обвальное падение жизненного уровня породило снижение трудовой активности населения. Это не значит, конечно, что население не нуждается в росте и процветании экономики, но свидетельствует о фактическом отстранении большинства граждан, обреченных на нищету и безработицу, от реального воздействия на определение курса социально-экономического развития.

Естественный вывод заключается в том, что в стране не сложились влиятельные социальные группы, готовые обеспечить модернизацию институциональной системы страны в направлении социальной справедливости. Кровно заинтересованное в этом большинство населения лишено реального контроля над властью, дезориентировано и разъединено недобросовестной пропагандой. Самовозобновление социально-экономического прогресса в таких условиях едва ли возможно. Непременными же его условиями являются *коренное оздоровление государственной власти* (для которого первым шагом должна стать идейная консолидация со всеми слоями населения на основе гуманистической, научно добротной концепции и программы), а также упреждающее экономический рост радикальное повышение благосостояния большинства населения посредством перераспределения доходов и капиталов, рекомендуемое ООН для рубежа XX и XXI в. в качестве важнейшего инструмента социально-экономической политики.

Перейдем теперь к анализу стратегических и тактических условий институциональной модернизации. Понятно, что для этого необходимо, чтобы в России появилась радикально оздоровленная государственная власть, способная (быть может, постепенно) сформировать такую институциональную систему, в которой доход от деятельности любого участника экономического процесса мог повышаться лишь в том случае, когда он приносит пользу обществу, причем в объеме, не превышающем размера этой пользы. Но это условие не налагает запрета на процессы перераспределения, включающие как вычеты из высоких личных доходов, так и выплаты (доплаты) нетрудоспособным, временно неактивным группам, составляющим растущую долю населения в современном мире. Эти меры, диктуемые современным пониманием социальной справедливости, зачастую очень важны для обеспечения нормального хода демографического и экономического воспроизводства, формирования человеческого капитала. Заведомо должны пресекаться лишь попытки наживы на деятельности, наносящей ущерб гражданам и обществу.

Необходимо создать такой социально-экономический механизм, при котором благополучие каждого субъекта, в первую очередь тех, кто олицетворяет власть, прямо зависит от его вклада в благосостояние общества в целом.

Для этого необходимо, как было показано выше, чтобы деятельность властных структур находилась под постоянным общественным контролем. В частности, население должно знать, какие богатства принадлежат нашим руководителям и за счет каких доходов они приобретены. То же касается и богатства экономических субъектов, в первую очередь – крупнейших собственников. Люди имеют право знать, каким путем эти богатства получены, какие таланты позволили это сделать, как все это повлияло на уровень общественного благосостояния (производство новых, более дешевых товаров, рост заработной платы, пенсионного обеспечения, создание рабочих мест и т.п.). Информирование общественности об источниках крупнейших личных доходов не следует профанировать в угоду враждующим организациям, кланам и т.п. (Последние сами подлежат, как минимум, обузданию, если не роспуску.) Наивысшие капиталы и доходы не являются неприкосновенными. Почтение американцев к своим Фордам и т.п. не помешало основательному выкачиванию налогов (при ставках, доходивших до 90%) из наивысших доходов физических лиц. Преимущества такого обложения состоят в том, что оно не угнетает хозяйственной деятельности. Не является аксиомой потребность в особо крупных частных (личных) капиталах. Социально опасна инверсия оценок: нельзя по масштабам присвоенного делать заключение о высокой общественной полезности обогатившихся, тем более – их наследников. Современная экономика по преимуществу основана на трастовом управлении не своим имуществом со стороны специализированных доверенных лиц и учреждений. Важно, однако, чтобы в обществе не было полностью обездоленных граждан, лишенных опоры для достойного образа жизни. Решение проблемы можно искать, например, в создании системы практически неотчуждаемых персо-

нальных инвестиционных счетов, социальных дивидендов, обеспечивающих при желании граждан свободное (непринудительное) участие в общественно полезных занятиях.

Общая направленность реформаторской деятельности тактического характера также достаточно ясна. Необходимо создавать правовые условия, при которых действия всех участников социально-экономического процесса, приводящие к нежелательным последствиям, получают соответствующую правовую оценку. В первую очередь это касается деятельности высших чиновников и крупнейших хозяйственных администраторов.

Ближайшим тактическим мероприятием в этом направлении является установление жесткой взаимосвязи доходов руководителей всех уровней с доходами всех остальных лиц, состоящих на государственной службе. Нельзя изменить уровень зарплат и пенсий какой-то одной категории людей, например парламентариев, министров, президента, не изменив ее одновременно и у всех остальных работников бюджетной сферы³. Единственным способом повышения их дохода может быть лишь продвижение по служебной лестнице и, соответственно, по разрядам табели о рангах. Повышение же общего уровня доходов всех государственных служащих должно происходить по мере экономического роста. При этом в их состав следует включить тех, которых власти презрительно именуют “бюджетниками”, хотя не они, а высшие чиновники незаконно присваивают средства государственного бюджета. Это позволит напрямую связать экономические мотивации всех государственных служащих с интересами населения и результатами развития экономики страны в целом. Это очень важно, поскольку их деятельность максимально влияет на развитие общества. Необходимо создать такие условия, когда благополучие каждого, и в первую очередь тех, кто олицетворяет власть, прямо зависит от благополучия общества в целом.

Фактором, повышающим эффективность экономики, могло бы стать выравнивание с помощью налоговой системы экономических условий функционирования фирм в добывающей, обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и т.п., в первую очередь путем полной ликвидации монопольных доходов и изъятия природной ренты, а также дотационного финансирования формально неэффективных сфер человеческой деятельности.

Чтобы ликвидировать возможность обогащения за счет инфляции, следует создать *нейтральную систему денежного обращения*, не вызывающую дополнительных денежных потоков и доходов, возникающих вследствие инфляции, с тем чтобы никто не мог ими воспользоваться (Овсиенко, Олевская, 1997). При этом для каждой социальной группы следует рассчитывать свой индекс инфляции в зависимости от ее доходов и структуры потребления. Максимальное значение этот индекс будет иметь для беднейших слоев населения, в потреблении которых максимальный удельный вес составляют товары первой необходимости, неэластичные по цене, которая вследствие этого растет более высокими темпами по сравнению с ценами других товаров. Это позволит законодательно закрепить постоянную индексацию доходов всех категорий граждан по соответствующим индексам инфляции.

Еще более важным нововведением должно стать создание реально работающего *механизма защиты прав наемных работников* (вместо существующих ныне профсоюзов – “школы коммунизма”).

Изложенное требует выработки ряда мероприятий, не противоречащих друг другу и общей цели реформирования. А это возможно только в условиях демократизации всей системы социально-экономических отношений, гарантии реализации неотъемлемых прав и свобод личности, включая свободу слова и волеизъявления. Однако тот факт, что большая часть конкретных мероприятий, несмотря на их очевидную необходимость, не реализуется, как, впрочем, и само продвижение в направлении демократизации, заставляет усомниться и в реализуемости естественной стратегии и тактики преобразований. Впрочем, эта нереализация обусловлена именно неестественностью нынешнего социально-политического режима, господством антиобщественно ориентированных сил. Подлинно демократическое обновление прямо зависит от правдивой информации и концептуальной консолидации большинства народа, тяжело страдающего от проводящихся недемократических реформ.

³ Однако уже сейчас размеры только прироста заработной платы отечественных парламентариев существенно превышают величину средней заработной платы по стране.

Однако в России реформы идут в совершенно ином направлении. Рассмотрим, например, некоторые из принятых в 2000-е годы новых институциональных норм налогового, пенсионного и уголовного законодательства.

1. Переход от прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц к практически не имеющей в мире аналогов плоской шкале, несомненно, еще более ускорил темпы обогащения богатых. При этом бедных, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, освобождать от налогов не стали, хотя это – общепринятое правило, действующее во всех развитых странах.

2. Установление крайне низкой ставки налога на доходы физических лиц по дивидендам (9%) также значительно отличается от практики других государств, учитывающих высокую концентрацию этого вида доходов у наиболее богатых граждан и, соответственно, устанавливающих существенно более высокую ставку налогообложения.

3. Поспешная законодательная фиксация минимальных сроков давности за крупнейшие экономические преступления. Известно, что приватизация – практически целиком преступный процесс, позволивший, с одной стороны, обогатиться будущим олигархам и чиновникам, провернувшим эти дела, а с другой – превративший большую часть населения в бедняков.

4. Ликвидация налога на наследство означает появление в России наследственной аристократии средневекового типа и способствует сохранению сверхконцентрации частной собственности, возникшей в результате приватизации. Теперь будущие алюминиевые магнаты будут носить фамилию Дерипаски. Никель будут добывать Потанины, газ – Миллеры и т.д. Между тем в развитых странах налог на наследство также ликвидирован, но только для бедных. А для богатых он, как и подоходный налог, является прогрессивным, при этом шкала прогрессии более высокая, чем у подоходного налога, вследствие того, что наследник не участвовал в создании наследуемых ценностей.

5. Переход от бюджетной системы пенсионного обеспечения к страховой с введением регрессивной шкалы единого социального налога, что и явилось главной причиной сохранения крайне низкого уровня пенсий и еще одним источником дохода для богатых.

Изложенное выше позволяет сделать следующий вывод: двадцатилетний период формирования новой институциональной системы в России привел к серьезным негативным результатам. Во-первых, созданная система явилась главным фактором превращения экономики страны в неэффективную систему. Во-вторых, произошло величайшее в истории человечества перераспределение доходов от населения к номенклатуре. Доходы населения находятся сегодня на уровне бедных стран, имеющих ВВП на душу населения в 4–5 раз ниже, чем в России. В то же время доходы номенклатуры поднялись до уровня, характерного для богатейших стран мира.

Такие результаты были предсказуемы уже с самого начала реформ. Нищее население неспособно эффективно трудиться, а зажавшаяся номенклатура не желает отдавать обществу своих полученных преступным путем богатств. Ситуация тупиковая. И если и дальше будет продолжаться эта тенденция – когда богатые богатеют, а бедные беднеют, то конец российского государства как автономного и равноправного члена мирового сообщества неизбежен.

К несчастью, власти видят все, что происходит со страной, но не хотят поверить в результаты, к которым, в конце концов, неминуемо приведут подобные тенденции.

Принятие указанных норм стало возможным в результате негативной трансформации политической системы России, для которой характерен сейчас не только авторитарный режим правления (президент и президентская вертикаль), но и доминирование в парламенте одной партии, полностью зависимой от исполнительной власти и отражающей интересы номенклатуры.

Все сказанное позволяет заключить, что в авторитарных обществах социально-экономическая модернизация маловероятна. Следовательно, сомнительны надежды на успехи модернизации и в научно-технической сфере. Это продемонстрировали 20 послесоветских лет, ознаменовавшихся и научно-технической деградацией, и ростом социальной несправедливости по сравнению с РСФСР, уровень которой так и не был достигнут.

Таким образом, к настоящему времени в России произошла *консервация экономически неэффективной институциональной системы*. Ее способность обеспечить реальный и устойчивый

экономический рост крайне сомнительна, а уровень ее социальной несправедливости чрезвычайно высок и продолжает расти.

Важными мероприятиями стратегического характера могло бы быть создание условий, при которых личности, стоящие у власти, не справившиеся с решением задач социально-экономического реформирования, были бы достаточно быстро и безболезненно заменены. Но это требует создания условий для политической конкуренции и свободного волеизъявления граждан.

* * *

Отказавшись от догмы о преимуществах государственной собственности, российские реформаторы первой волны с легкостью восприняли другую догму: частная собственность и свободное ценообразование автоматически обеспечат экономический рост. А получилось то, к чему и должны были привести российские реформы: основными свойствами российской экономики стали тотальное воровство и монополизация, причем каждый участник стремится к максимизации сиюминутной выгоды любыми способами. Эта деятельность так понравилась российской номенклатуре, что до сих пор не было сделано ни одного шага в направлении институциональных преобразований, проведение которых сделает наилучшей альтернативой действий для каждого государственного чиновника, бизнесмена, рядового работника ту, которая обеспечивает не только научно-техническую, но и социально-экономическую модернизацию, и позволит выйти из тупиковой ситуации и перейти к обществу свободных людей, живущих в условиях роста экономики и благосостояния всех слоев населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М.** (1990). О некоторых категориях понимающей социологии. В *“М. Вебер. Избранные произведения”*. М.: Прогресс.
- Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”. 1997.
- Каценелинбойген А.И., Мовшович С.М., Овсиенко Ю.В.** (1972). Воспроизводство и экономический оптимум. М.: Наука.
- Овсиенко Ю.В., Олевская Е.М.** (1997). О финансовых отношениях, нейтральных к инфляции // *Экономика и мат. методы*. Т. 33. Вып. 2.
- Клейнер Г.Б.** (2004). Эволюция институциональных систем. М.: Наука.
- Полтерович В.М.** (2003). Парадоксы российского рынка труда и теория коллективных фирм // *Экономика и мат. методы*. Т. 39. № 2.
- Veblen T.** (1922). The Theory of Leisure Class // *An Economy of Institutions*. No. 4.

Поступила в редакцию
31.04.2014

Basic Forms of Social Organization and Their Destructive Influence on Social Development

Yu.V. Ovsienko

Analyzed the authoritarian and democratic forms of social organization. Discussed the influence of the peculiarities of these forms on the social and economic (institutional) dynamics and scientific (technological) modernization.

Keywords: institutions, institutional system, economic dynamics, democratic and authoritarian societies, social justice, corruption, effectiveness, modernization.